

конечное уничтожение. Я не буду входить въ странность этой философіи, которая ставить вопросъ о жизни или смерти человѣка въ зависимость отъ степеней любви—стихійное начало въ зависимости отъ нравственныхъ началь,—которая носителя личнаго сознанія предаетъ смерти, но бывшее его отношеніе къ міру вѣнчаетъ безсмертіемъ; я остановлюсь только на томъ положеніи, что стремленіе къ высшей нравственности можетъ быть совмѣстимо съ ученіемъ о полномъ уничтоженіи личнаго человѣческаго сознанія при смерти.

Было время, когда графъ Толстой доходилъ до отчаянія, не находя никакой цѣли въ жизни, не видя въ ней никакого смысла. Онъ понялъ этотъ смыслъ только тогда, когда спросилъ себя: какъ-же могутъ жить миллионы людей, не находя этого смысла, и когда онъ понялъ, что они живутъ *второй*, той простой вѣрой, которая основана на словахъ Христа, такъ просто возвѣщенныхъ въ Евангеліи. Тогда и графъ Толстой взялся за изученіе Евангелія. Но онъ понялъ и истолковалъ его по своему: любовь къ ближнему показалась ему великою истиной, но ученіе о будущей жизни показалось ему недостаточно обоснованнымъ, и все его толкованіе направлено было къ тому, чтобы въ такомъ смыслѣ истолковать слова Христа. Воля Хозяина, то есть Отца небеснаго, состоитъ въ томъ, чтобы люди любили другъ друга, и тогда царство Бо-